

Стингрей в Стране Чудес

Автор:

Мэдисон Стингрей

Стингрей в Стране Чудес

Джоанна Стингрей

Мэдисон Стингрей

Персона (АСТ)

Американская певица и музыкант, роковая леди Джоанна Стингрей приехала в Ленинград в начале 80-х годов XX века, десять с лишним лет ее жизнь неразрывно была связана с СССР, с миром советского андеграунда. Она открыла западу мир русского рока. Как живые, встают со страниц книги Борис Гребенщиков и Виктор Цой, Юрий Каспарян и Сергей Курёхин, Костя Кинчев и Тимур Новиков, Африка и Коля Васин, Дэвид Боуи и Энди Уорхол и многие-многие другие герои сказочной Страны Чудес. Спустя тридцать лет Джоанна решила вернуться к этому периоду своей биографии и рассказать обо всех перипетиях своих приключений, взгляд ее – взгляд изнутри, взгляд не только свидетеля, но и непосредственного участника многих событий, которым было суждено стать историей. «Эту книгу я писала с огромной любовью. Возможность оживить воспоминания и погрузиться в волшебный мир первых лет моей ленинградской жизни – чудесный дар, который переполнил мне сердце и согрел душу. Никто из нас не мог тогда знать, что мы – часть уникального периода художественной жизни, интерес к которому будет жить и спустя десятилетия.»
Джоанна Стингрей

Джоанна Стингрей, Мэдисон Стингрей

Стингрей в Стране Чудес

Оригинальное название Stingray in Wonderland

Перевод с английского – Александр Кан

Издательство благодарит Джоанну Стингрей за предоставленные фотографии из личного архива.

© J Stingray Inc., 2019. Translated by Alex Kan

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Благодарности

Я навсегда остаюсь безмерно благодарна Борису Гребенщикову – за то, что он помог мне стать тем, кем я стала, и в наивной молодости дал мне цель жизни. Мне несказанно повезло оказаться у него под крылом, его тепло питало и питает мою собственную работу и мою любовь.

Виктору Цюю, самому настоящему другу, подарившему мне дружбу, о которой каждый из нас может только мечтать. Его честность, его смех, его доброта навсегда остаются со мной, а крылья его навсегда обнимают солнце над Санкт-Петербургом.

Сергею Курёхину – моему «Капитану», моему «Папе», который вдохновил меня на жизнь с огнем в крови и с желанием крушить барьеры. Он научил меня не бояться Вселенной и нисходящих на нас из нее огромных мечтаний.

Всем моим культурным TOVARISHEES. Спасибо вам за то, что вы открыли для меня настоящую свободу и наполнили мое сердце и мою душу самыми величественными красками. Вы окружили меня радостью, творчеством и любовью, которые и по сей день переполняют и вдохновляют меня. МИР И РОК-Н-РОЛЛ!!!

Особая благодарность

Люди, которым я хочу выразить особую благодарность:

Мэдисон Стингрей, занимающая главное место в моем сердце. За то, что сумела вернуть мою историю к жизни.

Джоан и Фред Николас – маяки, освещавшие путь в самые темные дни и помогавшие мне прокладывать дорогу жизни через океан и два континента. Без них эта история не смогла бы случиться.

Джуди Филдс, автор огромного количества фотографий и видеозаписей, запечатлевших нашу память и чудесные мгновения, свидетелями и участниками которых нам довелось стать. Твоя преданность и твоя убежденность в долгие зимние вечера и жаркие летние дни придавали мне мужество и отвагу делать то, что мы делаем, и свободу делиться этим с другими.

Алекс Кан, единственный человек, которому я могла доверить перевод на русский язык своей истории, всех ее ярчайших, бесконечно подвижных частей и фрагментов. Воссозданные им характеры с точностью и уважением воздают должное всем нашим невероятным друзьям.

Предисловие переводчика

История Джоанны – сказка. Сказка о молодой, наивной американской девчонке, почти случайно угодившей в Империю зла, открывшей там внезапно для себя Страну Чудес, и поставившей перед собой задачу сделать эту Страну Чудес открытой и доступной всему миру. В Стране Чудес она познакомилась и подружилась со множеством сказочных героев, встретила и полюбила одного из них, ставшего для нее волшебным Принцем. Преодолевая всевозможные преграды и одолевая врагов, она-таки соединилась со своим Принцем, попутно превратив болотную лягушку, «никому неведомую зверушку» – русский рок – в явление мировой культуры.

Должен признать, что я поначалу со скепсисом отнесся к появлению Джоанны в нашем мире. Замкнутый, чуждый не понимающему, не принимающему его и потому враждебно к нему настроенному внешнему советскому окружению, мир этот сам был к тому времени иной, почти сказочной альтернативной структурой, идеально выстроенной по законам мифотворчества. Опирался он на романтическое идеализированное видение двух оставшихся в пространственном и временном Зазеркальях и потому почти мифических, во многом воображаемых мирах – мире западного рока и мире русской, несоветской культуры.

Мне казалось немыслимым, что кричаще одетая, в леопардовых штанах, с выбеленной челкой, с парой песенок в стиле бездумной американской попсы певичка, не знающая ни русского языка, ни русской культуры, – ровня героям нашего рок-подполья, и что она сумеет построить тот самый, желанный и столь необходимый мостик во внешний мир, который не сумели навести наши другие, многочисленные, куда более искушенные и опытные западные друзья.

Она ни о чем подобном, по счастью, не думала. Она очаровалась мифом и сказкой, погрузилась в магию чуда, которое, в точности, как и для сказочного прототипа ее книги, становилось «все чудесатее и чудесатее» – и, не думая и не размышляя, стала творить и свое собственное чудо – верой, убежденностью, любовью. Таким чудом стал теперь легендарный двойной альбом Red Wave. Four Underground Bands from the USSR.

О «золотом веке» русского рока, зафиксированном в том числе на альбоме Red Wave, написано немало: мемуаров, воспоминаний, историй отдельных групп,

даже серьезных академических исследований и энциклопедий. Всеобъемлющей истории, однако, нет. Не станет такой и «Стингрей в Стране Чудес». Но история русского рока не может быть написана без этого уникального документа. И мы должны быть благодарны Джоанне, которая спустя два десятилетия после, как казалось всем, в том числе и ей самой, уже окончательного расставания с русским периодом своей биографии решила вернуться к нему и рассказать обо всех перипетиях своих приключений, связанных с историей возникновения замысла, реализации и последствиях этого исторического альбома.

Значение и роль Red Wave невозможно переоценить. Пластинка не только открыла русский рок миру, она стала и мощнейшим катализатором его развития. Она и развернувшийся вокруг нее скандал подстегнули процессы признания и легитимизации рок-музыки в СССР, расширили границы гласности. Red Wave и выпущенный с его помощью на свободу русский рок стали знаменем радикальных исторических перемен в стране.

Книга «Стингрей в Стране Чудес» ценна еще и своим уникальным двойным видением.

С одной стороны, это неискuschenный, но любопытный, страстный, равнодушный взгляд извне. Ужасно интересно читать, как воспринимался мир советского рок-андеграунда сторонним взглядом. С другой стороны, волею судеб Джоанна оказалась в самой гуще этого андеграунда, и взгляд ее – взгляд изнутри, взгляд не только свидетеля, но и непосредственного участника многих событий, которым было суждено стать историей. Даже такому читателю, как я, который был рядом во многих из описываемых эпизодов, она открыла немало новых интригующих фактов.

И еще эта книга прекрасно, легко, ярко, образно и увлекательно написана. Читается она, как захватывающий детектив, в чем немалая заслуга соавтора Джоанны Мэдисон Стингрей. Дочь очаровалась восхитительной, захватывающей историей приключений матери в Стране Чудес и сумела облечь ее в простой, доступный, но вместе с тем полный подлинного чувства и подлинной поэзии язык. Как живые, встают со страниц книги Борис Гребенщиков и Виктор Цой, Юрий Каспарян и Сергей Курёхин, Костя Кинчев и Тимур Новиков, Африка и Коля Васин, Дэвид Боуи и Энди Уорхол и многие-многие другие герои сказочной Страны Чудес. Совершенно очевидно, с какой любовью и страстью писали эту книгу мать и дочь. Мне, как переводчику, доставляло истинное наслаждение передавать эти любовь и страсть и, надеюсь, такое же наслаждение от книги

получит и читатель.

Я позволил себе снабдить книгу довольно обширным аппаратом примечаний и комментариев. Мне показалось это необходимым. Многие имена, топонимы и факты как из советских, так и из американских реалий 80-х годов сегодняшнему читателю неизвестны, а знание их важно для понимания исторического контекста книги.

Добро пожаловать в Страну Чудес Джоанны Стингрей! Добро пожаловать в сказку!

Александр Кан

Лондон, январь 2019 г.

Введение.

Кроличья нора

Я хорошо помню день, когда я, как Алиса в знаменитой сказке, провалилась в кроличью нору.

Был март 1984 года, и мой самолет приземлился в московском международном аэропорту Шереметьево. Все вокруг выглядело холодным, мрачным, безжизненным, и, проходя по бесконечным бетонным коридорам, я чувствовала пустоту и напряжение. Я шла, казалось, целую вечность, все больше отдаляясь от дома, солнца, моря и пальм, которые до сих пор были неотъемлемой частью моей жизни.

В таможенном отсеке мне пришлось встать в хвост длинной очереди мрачных и молчаливых людей. Куда ни посмотри, повсюду стояли неподвижные фигуры солдат, застывшие и безжизненные, как манекены. Дышат ли они? А я дышу? Я глубоко вздохнула, сразу ощутив смесь сигаретного дыма и запаха пота сотни запертых со мной в одном помещении тел.

Такое состояние продолжалось еще три дня. Из окон туристического автобуса Москва выглядела серым, угрюмым городом-призраком, хоть и наполненным жизнью. По улицам торопливо сновали одетые в черное или темно-синее люди. Помню мелькнувшую в голове мысль: «Вот место, куда я никогда больше не захочу приехать, – империя зла и отчаяния за железным занавесом». Впервые я подумала, что отец мой был, наверное, все-таки прав.

На четвертый день я отправилась в Ленинград – за грязными стеклами автобуса виднелась новая монотонная череда пейзажей унылой страны. Мы ехали будто в передвижной тюрьме, а механический голос бдительного тургида, твердящий заученный текст, напоминал утреннюю молитву перед кучкой падших ангелов. После обеда в отеле я решила, что с меня хватит, и, прокатившись по загадочному лабиринту, оказалась у ног «отца русского рок-андеграунда». Я помню, как, оказавшись у него дома, поразила, что передо мной живой, настоящий человек со светом в глазах и живым цветом лица. Я слушала русский рок – безумный саундтрек жизни, любви и потерь – и внезапно поняла: я в Стране Чудес!

С этого момента жизнь моя переменялась. Я стала одержима Страной Чудес и ее жителями, которые питали город электричеством, даже когда ток был отключен. Я пыталась проводить там как можно больше времени, выпитывая в себя этот дух, пока, наконец, кроличья нора не выплюнула меня и не затворилась навсегда. Книга, которую вы держите в руках, – история моей жизни с марта 1984-го по апрель 1996-го и всех тех приключений, которые за эти годы мне довелось пережить вместе с самыми замечательными героями.

Глава 1

Все началось в Ла-Ла Ленде

Мне было то ли шесть, то ли семь, когда отец вдруг сказал мне: «Никогда, ни в коем случае не вздумай отправляться за Железный занавес».

Тогда я, разумеется, и представить себе не могла, что сделаю все вопреки его совету. Детство мое проходило в каньоне Топанга, где я слонялась по холмам

вокруг Лос-Анджелеса, охотясь за солнцем и прячась от гремучих змей. Трудно представить себе место, более далекое от стальной коммунистической страны, которая на годы станет моим домом. Несмотря на отдаленность, отец мой был страстно предан СССР – точнее, подогреву страха американцев перед этой страной. Я хорошо помню, как в середине 60-х в своем теплом, обитом деревянными панелями кабинете он работал над документальным фильмом «Правда о коммунизме»[1 - Отец Джоанны Сидни Филдс (1914–2001) – джазовый музыкант, менеджер и продюсер. Документальный фильм «Правда о коммунизме» (1962) – его единственный опыт работы в кинематографе. (Здесь и далее примечания переводчика).]. Он был сценаристом, режиссером и продюсером картины и отдал ей три-четыре года жизни. Повсюду громоздились стопки коробок с киноплёнкой, которую он бесконечно резал, монтировал, перемонтировал, заваливая комнату грудями целлулоидных обрезков. К этому страшному месту – СССР – он относился со всем вниманием. Настолько, что к чтению авторского текста сумел даже привлечь будущего губернатора Калифорнии и бывшего актера Рональда Рейгана, который именно в этом фильме чуть ли не впервые произнес свои ставшие потом крылатыми слова об «империи зла». В конце 70-х «Правда о коммунизме» стала широко известным антикоммунистическим пропагандистским фильмом, его показывали детям в школах по всей стране, в том числе и в той, где училась я. Папе я безоговорочно верила, и голос его долго звучал где-то на задворках памяти, как спрятанный глубоко под подушку крохотный будильник.

Но, несмотря на все отцовские усилия, Россия меня тогда совершенно не интересовала. Я лазила по предгорьям Санта-Моники, гоняла в школу на велике и вместе с сестрами таскалась за мамой по всем мюзиклам, которые только приезжали в Лос-Анджелес. С отцом мама развелась, когда мне было то ли одиннадцать, то ли двенадцать, и мы переехали в съемный дом на две семьи в Беверли-Хиллз, у самой красивой в мире, по слухам, железной дороги, правда, с неправильной ее стороны. Заросший сад был густо засыпан пальмовыми листьями, а с севера до нас доносился гул вечно шумящего бульвара Уилшир, лос-анджелесского Бродвея. Дом был всего в квартале от моей школы Beverly Hills High School – средоточия моей вселенной. К чему мне были геронтократы в Кремле? Бесконечные очереди за продуктами? Преследования КГБ? Меня куда больше волновали пышность собственных волос, возможность прогулять школу и острейшая проблема – как бы съесть как можно больше обожаемых мною замороженных кексиков, которые всегда хранились в холодильнике моей лучшей подруги.

Если не считать отца, то единственное столкновение с Россией было у меня на любимых мной уроках по русской истории. В конце 70-х Госдеп утвердил программу образовательных обменов с СССР, и наш замечательный учитель начал готовить недельную поездку на время зимних каникул. Моя лучшая подруга Диана, мать которой готовила те самые восхитительные кексики, должна была ехать. Мне безумно хотелось к ней присоединиться – отчасти потому, что я стремилась позлить папу-антикоммуниста, отчасти потому, что никак не желала оказаться обделенной. Мама, как всегда, взвалила на себя кучу дополнительной работы, чтобы заработать денег мне на поездку, но в итоге, когда все грузились в самолет, я сидела дома со своим великом и чувствовала такую горечь и обиду, что память о них оставалась со мной многие годы.

По счастью, для встречи с рок-н-роллом мне не пришлось ждать поездки в Россию. Мой школьный бойфренд Пол познакомил меня с музыкой, которую Дэвид Боуи окрестил как «опасную» и «более мрачную, чем мы сами». Музыка была единственным, что могло хоть как-то перекрыть подростковый эгоцентризм и дать возможность ощутить, что в мире есть сила, способная побороть даже самого могущественного великана. Пол занимался спекуляцией с билетами на концерты: высокий, всегда уверенный в себе парень, он управлял целой бандой странных типов, которые сутками напролет стояли в очередях, чтобы выкупить лучшие места. Так я оказалась в первом ряду на концертах Дэвида Боуи, Rolling Stones, Alice Cooper, Элтона Джона, Пола Маккартни с Wings и многих других, чьи имена за давностью лет выветрились из памяти. Чуть ли не каждый жаркий вечер я стояла вплотную к сцене, ощущая, как музыка проникает в самую глубь моего естества. Мне нравилось всё, но больше всего я сходила с ума по Боуи. В его внешности падшего ангела, сошедшего на землю в своем металлическом облачении, в каждом его жесте, каждом взгляде была магия. Он пьянил больше, чем любой алкоголь. Именно он заразил меня желанием выступить, он заставил поверить, что есть нечто, ради чего стоит жить.

В свою первую группу я попала благодаря дружбе с ее менеджером Джеффом Смитом. Джефф сумел собрать приличных музыкантов – все они были с грязными волосами, но горящими глазами. Стоя на авансцене с огромным микрофоном в руках и по-дурацки завитыми волосами, я представляла собой кошмарное зрелище: наглая школьница, способная реветь, как северный олень, но не способная держать тональность. У меня была яркая внешность, куча энергии, но я понятия не имела, что я делаю.

Отец Джеффа Джо возглавлял Capitol Records. Тогда это была известная и крупная компания. Внушительная 13-этажная башня на углу Голливудского бульвара и улицы Вайн с огромным фирменным логотипом на самом верху равнодушно и надменно взирала на копошащихся внизу туристов и на новичков, желающих приблизиться к манящему миру музыки. Жил Джефф в огромном доме на Роксбери-драйв в Беверли-Хиллз, и именно там, в обвитом плющом кирпичном доме, мы и репетировали. Время от времени отец Джеффа заглядывал в «курилку», чтобы посмотреть и послушать, как скачет и гремит группа его отпрыска – прямо как большие! Представляю, как ему было неловко! Мы едва годились для выступления на школьной вечеринке, но Джефф неизменно затаскивал отца к нам, как будто предполагал, что Джо прямо тут же предложит нам контракт. Джо, нужно отдать ему должное, терпеливо высиживал очередную ужасную песню, которую мы решали исполнить для него на этот раз, и даже вежливо покачивал головой в такт. Потом он, как правило, говорил: «Знаете что, ребята? Вам нужно продолжать репетировать. Если вы этого хотите по-настоящему, то нужно работать, и вы будете играть все лучше и лучше». Так я впервые услышала конструктивную критику по отношению к себе как музыканту – если, конечно, меня тогда можно было назвать музыкантом. Я приняла эти слова близко к сердцу и пронесла их с собой через все университетские годы, неизменно практикуя свое пение в крохотных затхлых душевых кабинках, столь характерных для американских студенческих общежитий.

Благодаря успешным занятиям прыжками в воду я получила стипендию в Университете Южной Калифорнии. Затем, желая сменить атмосферу, перешла в Бостонский университет, но холод погнал меня обратно, и диплом я получала уже в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA), в стране вечного лета и смога. Если бы кто-то мне тогда сказал, что я проведу больше десяти лет жизни в стране сибирских морозов, ответ мой был бы прост: «Ни за какие деньги!».

Летом 1981 года, еще учась в UCLA, я пошла работать в магазин одежды. Да, стоит признать, что это было вовсе не то, что имел в виду Джо, советуя мне усердно заниматься музыкой. Уже через несколько дней в этом магазине я помирала со скуки, чувствуя себя морской черепахой, пытающейся продраться к воде по сухому песку. Монотонная рутинная работа, еда, сон... опять работа, еда, сон – сводила меня с ума. Тогда я решила раз и навсегда: обычная работа с девяти до пяти не для меня. Сколько бы мне ни пришлось заниматься, как бы трудно мне ни давались премудрости музыкальной грамоты, я должна петь. И я буду петь!

Уже через несколько дней с моей лучшей подругой мы решили основать еще одну группу. В Лос-Анджелесе тогда была популярна девичья группа The Go-Go's, ну и мы – прямо как в фильме «Ла-Ла Ленд» – решили, что и у нас должно получиться. Она должна будет научиться играть на гитаре, я буду петь. Ну и, как Боуи, я буду писать собственные песни – дело, как выяснилось, не самое легкое, если ты не умеешь толком играть ни на одном инструменте. Я старалась изо всех сил, извела кучу бумаги и в конце концов сумела-таки родить пару глупых, девчоночьих песенок. Одна называлась Beverly Hills Brat («Испорченная девчонка из Беверли-Хиллз»), а вторая – Boys They're My Toys («Мальчишки – мои игрушки»).

Дело сделано, казалось мне. Я уже готова была бросить университет и стать звездой рок-н-ролла. Мама моя повторно вышла замуж за невероятно успешного адвоката, инвестора в недвижимость, коллекционера искусства и хорошо известного мецената[2 - Фредерик Николас (р. 1920), кроме успешной карьеры в юриспруденции и инвестициях, широко известен и как коллекционер, знаток искусства и меценат. При его активном участии создавались Концертный зал им. Уолта Диснея и Музей современного искусства в Лос-Анджелесе. В течение пяти лет он был Председателем Совета попечителей музея.]. Оба воспринимали мои планы в лучшем случае как юношеский идиотизм, в худшем – как верную дорогу к саморазрушению. «Ты представляешь себе, как тебе повезло, что отчим готов оплачивать твое образование?!» – восклицала мать с белым от ярости лицом. Она грозила лишиться меня всех денег, если я не закончу учебу. За отсутствием альтернативы мне пришлось смириться, хотя в глубине души от планов стать рок-звездой отказываться я не собиралась.

Каждое утро я тащилась в университет, но на лекциях только и делала, что пыталась сочинять песни. К моменту окончания в 1983 году у меня накопилось их несколько штук. Оставалось только их записать, и имя мое засверкает неоновыми огнями на бульваре Сансет. В записи EP[3 - EP (Extended Play) – виниловая пластинка на четыре песни, в отличие от SP (Single Play) – сингла с двумя песнями и LP (Long Play) – долгоиграющего альбома.] мне помогла моя старая школьная группа, и с демо-кассетой в руках я отправилась на поиски контракта – точно так же, как в XVIII веке женщины бродили от дома к дому, пытаясь обменять серебро на золото. С помощью своего старого бойфренда Пола я познакомилась с Маршаллом Берлом, племянником Милтона Берла[4 - Милтон Берл (настоящее имя Мендель Берлингер) (1908–2002) – американский актер-комик, звезда американского телевидения 50-х годов, снимался в кино, в том числе и в таких знаменитых картинах, как «Займемся любовью» с Ивом

Монтаном и Мерилин Монро, «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир», и в фильме Вуди Аллена «Бродвей Дэнни Роуз»]. У Маршалла было длинное узкое лицо и огромные темные очки. Он согласился стать моим менеджером и издал EP на своем независимом лейбле Time Coast Records. Благодаря связям Маршалла нам довольно скоро удалось убедить некоторых людей вложиться в мою музыкальную карьеру. Я перезаписала Beverly Hills Brat для издания своего первого сингла, и мы даже сняли видео, на котором я с развевающимися на ветру волосами мчалась среди пальм и роскошных особняков Беверли-Хиллз в открытом «Роллс-Ройсе». Пластинка вышла и даже продавалась в Tower Records[5 - Tower Records – одна из крупнейших в мире розничных сетей музыкальных магазинов. Основана в 1960 году в Калифорнии. Просуществовала до 2006 года, когда было объявлено о банкротстве и ликвидации компании.]. Я каждый день приходила в магазин и часами торчала у полки с моей EP, со счастливой улыбкой и надеждой заглядывая в глаза каждому проходившему мимо панку, хипстеру или бизнесмену.

Для продвижения пластинки я отправилась даже в небольшой тур по крохотным зальчикам в разных городах. Главный из этих концертов состоялся в легендарной «Студии 54»[6 - Studio 54 – культовый ночной клуб и всемирно известная дискотека в Нью-Йорке, открывшийся в апреле 1977 г. на пересечении Бродвея и 54-й улицы (отсюда название). На рубеже 70–80-х годов – главное место ночной, светской и концертной жизни Нью-Йорка.] в Нью-Йорке. Был 1983 год, Нью-Йорк распирало от глянца: душа, характер и стиль города воплотились в блестящих, ярких цветах и диких искаженных лицах его причудливых персонажей. «Студия 54» была самым модным местом Нью-Йорка, крутизна сочилась из него, как повидло из раздавленного пончика.

Несколькими годами ранее мать с отчимом устроили у нас дома прием для Энди Уорхола. Я попросила его расписаться на обложке пластинки Rolling Stones Sticky Fingers[7 - На обложке альбома Rolling Stones Sticky Fingers размещена фотография облаченной в джинсы мужской промежности с явно выделяющимся контуром пениса. На оригинальном издании обложка была украшена настоящим работающим зиппером. Дизайн приписывают Энди Уорхолу, но ему на самом деле принадлежит лишь общая идея. Автор фотографии – Билли Нейм, а дизайн разрабатывал Крэг Браун.], оформление которой он придумал, а он вместо автографа нарисовал вагину. Каким-то чудом сквозь телефонные лабиринты «Студии 54» мне удалось пробиться к Энди, он связал меня с менеджерами клуба, и в полночь 4 октября 1983 года на огромном экране «Студии 54» заиграл мой клип Beverly Hills Brat. Я бегала по мостику над мерцающей толпой и усердно раскрывала рот, стараясь попадать в такт

собственному записанному пению. Ощущение было, будто я добилась всего, что хотела, что я стала звездной пылью, сыплющейся на головы и в глаза публики.

К сожалению, моя американская рок-карьера продлилась всего несколько месяцев. Менеджер Маршалл все деньги, которые мы собрали вместе, с помощью моих друзей и контактов, вложил в хеви-металлическую группу Ratt: татуировки, длинные волосы, тяжелый грим. Ну а моей звездной славе наступил конец.

В эти несколько песен я вложила все, уверенная, что если следовать засевшему у меня в голове завету Джо Смита и стараться из всех сил, то успех к тебе непременно придет. И тут, впервые в жизни, все у меня развалилось, как тот самый недопеченный пирог, который расползся еще до того, как ты положил его на тарелку. В депрессии я заперлась у себя в комнате, бесконечно орала на мать и ненавидела весь мир, понятия не имея, что делать со своей жизнью дальше. Менеджер исчез, матери я надоела хуже горькой редьки, друзья были по уши погружены в собственную жизнь. От нечего делать я решила позвонить сестре Джуди, которая на год уехала учиться в Лондон. Друг от друга нас отделяли целый континент и целый океан, и ей я еще не успела осточертеть.

– Мне нужна смена обстановки, – сказала я ей. – Здесь я просто схожу с ума. Можно я к тебе приеду?

– Не знаю, – ответил ее далекий голос. – Я отправляюсь в поездку от университета в Россию: Москва и Ленинград. На все про все всего триста долларов.

К тому времени наступил уже 1984 год. В Белом доме был Рональд Рейган, и Госдепартамент начал активно продвигать всевозможные образовательные и культурные обмены, стремясь таким подспудным путем внедрить в головы советских граждан мысль, что американцы живут более свободной, богатой и счастливой жизнью. Мгновенно всплывшие воспоминания об упущенной еще в школьные годы возможности съездить в СССР слились воедино с горечью об утраченной карьере рок-звезды. Все вместе жгло совершенно нестерпимо и требовало немедленного разрешения.

– Я хочу с тобой, – уверенно заявила я Джуди.

Она пообещала узнать, есть ли в группе свободные места. Оказалось, что есть. Я еще не могла предсказать, какую поворотную роль в моей судьбе сыграет эта поездка, но, когда она стала реальностью, я почувствовала невероятное облегчение от того, что, по крайней мере, еще на несколько месяцев буду избавлена от очередной унылой работы в магазине. На радостях я решила позвонить своей лучшей школьной подруге и сообщить ей, что наконец-то и я еду в СССР.

– Эй, а ты не забыла, что моя сестра замужем за русским эмигрантом? – напомнила мне подруга. Мужа сестры моей подруги звали Андрей Фалалеев, и уже через несколько дней я пригласила его на ланч, чтобы обсудить предстоящую поездку.

– Тебе обязательно нужно встретиться с моим другом! – провозгласил Андрей, как только мы уселись на пластиковые красные скамьи ресторанчика. – Он невероятно крут. Ты же едешь в Ленинград?

– Так, по крайней мере, запланировано, – ответила я. – Хотя не уверена, что мне удастся оторваться от группы.

– Он главная звезда русского рок-андеграунда. Его все обожают, – продолжал Андрей.

– Я и не знала, что в России есть рок, – рассмеялась я, представив себе, как этот рок может выглядеть на фоне хорошо известных мне американских звезд. – Ну и как мне связаться с этим твоим другом?

Выяснилось, что у друга Андрея, как у настоящего человека из андеграунда, телефона нет. Но есть телефон у его друга. Я записала имя и номер, пообещав с ними связаться.

– Только будь осторожна, Джоанна. Этим людям встречаться с иностранцами нельзя. Это считается незаконной деятельностью.

Он наклонился ко мне через липкий стол с оладьями, как будто хотел поделиться секретом:

- Но Бориса Гребенщикова это мало волнует.

Глава 2

Медвежье логово

Москва была настоящим медвежьим логовом, погруженным в непрекращающийся враждебный милитаристский угар.

Стоило нам выйти из самолета и пройти паспортный контроль, как мы оказались в зале аэропорта в окружении шеренги солдат с винтовками и серыми, каменными лицами. Мне сразу вспомнились соревнования по прыжкам в воду, огромное закрытое пространство, по которому ты должен пройти на вышку, ощущая просто физически, как все вокруг, с опущенными головами и напряженными телами, настроены против тебя. Я инстинктивно повела плечами – спортивный ритуал, который, как мне казалось, я уже начисто забыла. Мне никогда не нравились соревнования, не нравилось и то, что я видела и чувствовала в московском аэропорту.

Таможенный зал был ярко – с пола до потолка – освещен флуоресцентными лампами. Наши чемоданы водрузили на стол и стали тщательно их перерывать, откидывая в сторону одежду, пока не обнажилось дно. Мы с Джуди стояли рядом, переминаясь с ноги на ногу и осознавая, что отношение ко времени здесь совершенно иное. Мне отвратительно ощущение бессилия – именно так, представляется мне, чувствует себя сейчас человек, приезжающий в Северную Корею.

Получив наконец чемоданы, мы погрузились в автобусы и отправились в гостиницу «Космос» в двадцати минутах езды от центра. Гостиница показалась нам мрачным, запустелым, безлюдным местом. По форме здание было дешевой золоченой копией полумесяца, угодившего вместо неба на безобразную московскую улицу. У какой-то женщины я спросила, как найти лифт, чтобы подняться к себе в номер. Вместо ответа она уставилась на меня так, будто ей нужно было увидеть, как на свежевыкрашенной стене сохнет и постепенно начинает шелушиться краска.

Только разобрав чемодан, я поняла, насколько медведи-таможенники обчистили мой багаж. Исчезли фен, тампоны, зубная паста, губная помада – короче, все, чего нельзя было купить за железным занавесом. Как ни странно, нетронутыми остались моя пластинка и мои фотографии, которые я привезла с собой, чтобы показать Борису, как выглядит и как звучит настоящая рок-звезда. Оглядываясь назад, я понимаю, что уже тогда мне следовало воспринять случившееся как знак: московских таможенников мои тампоны интересуют куда больше, чем моя музыка!

Группа собралась внизу, где нам долго вдалбливали, что мы всё время должны держаться вместе. В медвежьем логове туристическая группа была сродни штампу на руке, подтверждающему наше право здесь находиться. Стоит нам отстать от группы, штампик смоемся, и нас, пинком под наши маленькие, обтянутые джинсой задницы, вышибут домой на ближайшем рейсе. Я понимала, что для наших коммунистических хозяев правила эти были очень-очень важны, но мне примириться с ними было непросто. Я с четырнадцати лет гоняла на автомобиле, каждую неделю смывалась из школы, чтобы пообедать в Nate n' Al's[8 - Знаменитый гастрономический магазин деликатесов и ресторан на фешенебельной Родео-драйв в Беверли Хиллз.]. Попробуй здесь нечто подобное, и все гулянье, судя по всему, мгновенно закончится.

Мы провели в Москве три дня, которые вполне могли бы считаться тремя днями на Луне. Мне казалось, что я на другой планете, в окружении бесконечных коммунистических росписей, барельефов и скульптур, воспевающих тяжелый труд и чувство коллективизма. Они были яркими и завораживающими, как какой-то тяжелый болезненный галлюциноген. Не было ни рекламы, ни афиш, ни больших уличных знаков. Лишь стандартные безликие вывески крупными русскими буквами: АПТЕКА, ГАСТРОНОМ, БУЛОЧНАЯ. Серая и темно-синяя одежда выглядела, как синяки и подтеки на телах людей, почти никто не улыбался, и никто не осмелился мне ответить, когда я приветственно махала рукой. Все выглядели несчастными, выстаивая в бесконечно долгих очередях за хлебом и лекарствами. Ощущение от города было недружелюбным и суровым.

Вскоре, правда, я научилась видеть в Москве и красоту: светящиеся глаза в целом нахмуренного и равнодушного города. Мы увидели исторические памятники, музеи, здания и парки. Многие из этих замечательных мест были построены еще до коммунистической революции и сохранили в себе кокетливую грусть по прежним временам. Луковки собора Василия Блаженного поражали психоделическим буйством калейдоскопа красок. Мало-помалу я начала

ощущать, что где-то в глубине, под металлической броней СССР, прячется его теплое, мягкое и живое подбрюшье.

За годы коммунистической эры страна, конечно, приспособилась к мрачному и безликому фасаду, но под ним скрывалась богатая культура, вкус которой невозможно было не ощутить даже при самом мимолетном с нею соприкосновении. Мне вдруг захотелось, чтобы русские смелее и чаще проявляли свои яркие черты, чтобы кто-то улыбнулся или расхохотался. Меня бесило, что вся огромная страна подчинилась ментальности московского официоза вместо того, чтобы выражать свое скрытое в глубине наследие. Помню, как я решила, что отец мой, наверное, все-таки был прав, называя Советский Союз захваченным чудищами ужасным местом, и что больше я сюда никогда не приеду.

На четвертый день мы поехали в Ленинград. Сразу стало очевидно, что в городе есть энергия и приподнятость и что найти их куда легче, чем в Москве. Здесь было больше цвета: мягкие желтые, светло-голубые и темно-зеленые тона отражались в серебристой поверхности каналов, освещая барочную и неоклассическую архитектуру и луковичные купола соборов. Я вдруг ощутила перемену настроения: на место раздражения пришли любопытство и интерес, город очаровывал скорее, чем пугал. Он чем-то напоминал северную Венецию, завораживающий и холодный, но рождал и другое географическое ощущение – будто спустился на землю прямо из сибирской сказки.

Как только мы заселились в отель, я тут же заявила Джуди, что намерена разыскать этого рокера Бориса. Меня уже тошнило от официальных экскурсий, от замкнутых в ледяные оковы дворцов и парков. Этот новый город меня вдохновлял, и поиск Бориса казался тем самым приключением, которое должно было придать нашему пребыванию здесь свежесть и остроту. Ну а если меня и в самом деле поймут, то неужели они меня тут же вышлют? Чувствовала я себя вполне уверенно: в конце концов, в жилах моих текла кровь, вскормленная и пропитанная чувством американской исключительности. В конце концов, если настоящей вечеринки тут нет, то как можно тебя с нее выгнать?

Очень быстро стало ясно, что в Советском Союзе даже малейший шаг сопряжен с трудностями. У Бориса телефона не было, но, как сказал мне Андрей Фалалеев, телефон был у его виолончелиста Севы Гаккеля. Вместе с Джуди мы робко подошли к старушке, сидевшей в коридоре на нашем гостиничном этаже. Посажена туда она была, по всей видимости, самим правительством, и вела себя

так, будто была, по меньшей мере, наместником императора в своем маленьком царстве. В ее полной власти было позволить или не позволить двум наивным американским девчонкам совершить телефонный звонок.

– Здравствуйте, меня зовут Джоанна, – представилась я с чарующей улыбкой.

Бабушка не шелохнулась.

Гмм.

– Я. Хотела бы. Позвонить. По телефону, – произнесла я уже более серьезно, пытаюсь максимально четко выговаривать каждое слово.

Она обратила на меня внимание и следила за каждым моим движением, пока я доставала из кармана листок бумаги с номером телефона.

– Пожалуйста. Позвоните. По этому. Номеру. – Я положила на стол перед ней листок бумаги и стала нервно ждать, закусывая в волнении губу. Ждала, как мне показалось, целую вечность.

Наконец она что-то буркнула, что я восприняла как успех.

Через несколько гудков телефон ответил женским голосом.

– Алло?

– Здравствуйте, это Джоанна из Калифорнии! А Сева дома? – радостно прокричала я в трубку. Отбой.

Я опять посмотрела на наместницу императора, которую про себя уже иронично окрестила как «мисс Дружелюбие»[9 - На конкурсах красоты титул «Мисс Дружелюбие» (Miss Congeniality) присваивается участнице, которую члены жюри сочтут самой приятной и дружелюбной. Одноименный фильм (в российском прокате «Мисс Конгениальность») с Сандрой Буллок в главной роли вышел в свет только в 2000 году, через много лет после приезда Джоанны в СССР.]. Я огорченно пожала плечами и вновь придвинула к ней листок с номером телефона. Если бы на столе стоял утюг, то ее ответный выдох сдул бы его на

пол. Номер, тем не менее, она все же набрала еще раз.

- Хэллоу! - ответил телефон на сей раз мужским голосом и, главное, по-английски!

- Привет! - чуть ли не заорала я, стараясь успеть сказать как можно больше, прежде чем вновь раздастся ужасный звук отбоя. - Меня зовут Джоанна, я из Америки, и мой друг Андрей дал мне твой номер телефона, чтобы связаться с Борисом. Я тоже музыкант!

- Ага, а где ты остановилась? - спросил он. Английский у него был явно неродной, но говорил он бегло, с мягким русским акцентом, благодаря которому каждое произнесенное слово звучало веско и значительно.

- В отеле «Москва».

- Приходи к пяти часам к станции метро прямо у гостиницы «Москва», - сказал он и повесил трубку.

Все. Свершилось. Встреча назначена.

Мы с сестрой посмотрели друг на друга. Джуди даже не стала ждать, пока я открою рот, и спросила озабоченно: «Погоди, а мы что, уйдем с экскурсии?»

- Почему бы и нет?

- Нет, нельзя, у нас будут проблемы, - испуганно проговорила она, подтвердив, что, по крайней мере, на некоторых из нас подействовала долбежка руководителя группы.

- Ну, не знаю, что тебе сказать, - произнесла я. - Я очень хочу к ним пойти. Надо будет просто держать удар.

- Удар-то может быть нешуточный, Джоанна...

- Скажем, что чувствуем себя плохо, - оборвала я ее, - и что нам нужно остаться в номере и пораньше лечь спать.

Никто из группы и не подозревал, что, как только они отправились на экскурсию, мы с Джуди спустились и украдкой выбрались из отеля через боковой выход. Не говоря ни слова по-русски, мы кое-как добрались до метро. Что делать дальше, я понятия не имела. Нас со всех сторон толкала спешащая в метро в самый час пик толпа. Мы стояли как можно ближе к выходу, я крепко прижимала к груди пакет с паспортом и бумажником. Впервые с момента приезда, тесно зажатая вместе с остальными людьми в железный кулак, я ощутила в теле возбуждение – оказывается, я живой человек и способна на все.

– А как он выглядит, он сказал? – спросила Джуди.

– Он повесил трубку прежде, чем я успела спросить.

– Хорошо хоть ты выделяешься из толпы, – она бросила взгляд на мою выбеленную блондинистую прядь и выбритые над ушами волосы. Выглядела я как солистка панк-группы с каким-нибудь замороченным названием и злыми песнями.

И вдруг он появился. Я узнала Бориса сразу. На первый взгляд он был неотличим от любого другого русского, в такой же меховой шапке и длинном твидовом пальто. Но взгляды наши скрестились, и я мгновенно поняла: я знаю, что в жизнь мою вошел очень особый человек, волшебный человек. Я не знала почему, но чувствовала, что никогда уже не буду такой, какой была до сих пор.

– Привет, рады познакомиться, – произнес Сева из-за спины Бориса. Я посмотрела на него – достаточно долго, чтобы обратить внимание на длинное лицо и вдумчивые темные глаза. Но как только я опять встретила взгляд Бориса, оторваться от него я уже не могла. Это было как с солнцем – если смотреть на него долго, то оно все время остается у тебя перед глазами.

Ребята взяли нас с Джуди под руку, и мы двинулись по улице.

– Мы идем ко мне домой, – сказал Сева, лавируя в толпе. На каждый шаг его длинных ног приходились два мои. – Там и поговорим. С иностранцами нам встречаться нельзя. Никогда не знаешь, кто может работать на КГБ.

Я посмотрела на него недоверчиво. Неужели меня, в моей разношерстной одежке, с болтающимися в ушах дешевыми сережками, кто-то всерьез может воспринимать как угрозу?

Он понизил голос: «Я говорю совершенно серьезно». Он остановился у подъезда и завел нас с Джуди под арку. Борис облокотился на стенку и согласно кивал головой, выслушивая обращенные к нам Севины наставления: «На людях по-английски не говорите, никому не сообщайте, что вы американцы». Он почесал бороду: «Ладно, пошли дальше».

Мы опять вышли на улицу и двинулись вперед быстрым шагом.

– Вы ведь здесь с группой? – спросил он.

Джуди кивнула.

– Если кто-то спросит, почему вы одни, скажите, что отстали от группы. Так лучше всего.

На той первой встрече было довольно трудно осознать серьезность того, о чем говорил Сева. Я была погружена в очарование момента. В том, как Борис шел, в его мягкой, не сходящей с лица полуулыбке было что-то, что придавало мне силу преобразования в городе Ленина: серые облака внезапно превратились в серебро.

Квартира Севы располагалась в центре Ленинграда, в изрядно обветшавшем и потускневшем за десятилетия доме[10 - Виолончелист «Аквариума» Сева (Всеволод) Гаккель жил и продолжает жить в так называемом «Доме полярников» на улице Восстания. Жилой дом Главсевморпути (официальное название) был построен в 1935 году в стиле сталинского неоклассицизма для участников полярных экспедиций и членов их семей. Отец Севы Яков Гаккель (1901–1965) принимал участие в многочисленных полярных экспедициях, в том числе на ледоколах «Сибиряков» (1932) и «Челюскин» (1934).]. Серые бетонные стены и лестница старого подъезда выглядели перекошенными, как будто здание устало от долгой жизни. Квартира была обжитой, заполненной всевозможными старинными безделушками, и напоминала мне дом моих бабушки и дедушки. На стене висела акустическая гитара. В прихожей стояла полка с домашними тапочками. В уличной обуви по дому никто не ходил. Оглядывая батарею тапок, я обратила внимание, что, как и сам дом, все они

были старыми, издавшими виды.

Ведущая в кухню дверь открылась, и из нее вышла женщина, поспешно направившись мимо нас к выходу.

– Кто это? – спросила я у Севы.

– Моя мать.

– Может, мне нужно с нею познакомиться? – Я еще не осознавала, что встреча с Севой и Борисом была для меня началом проникновения за внешнюю бесстрастную оболочку советской жизни, к теплившемуся под ее поверхностью чему-то настоящему.

– Не сейчас. Может быть, в следующий раз.

Мы с Джуди и Борисом устроились за небольшим, покрытым скатертью столом, который Сева тут же стал накрывать какой-то снедью, печеньем и чашками с янтарного цвета чаем. Он двигался на фоне высоких окон, тянувшихся под трехметровый потолок, из которых внутрь лился дневной свет. Я рассмотрела две комнаты: в одной стояла небольшая бесформенная кровать, вторая выглядела как настоящая спальня. Также я увидела небольшую ванную и еще меньшего размера кухню, примостившуюся под каким-то странным углом в глубине квартиры. Я ощутила тепло и уют; настроение, несмотря на темные нависшие облака за окном и рвущийся в квартиру снаружи холодный ветер, было праздничным. Много раз с тех пор мне приходилось испытывать русское гостеприимство, и всякий раз оно было таким же теплым, как в тот самый первый раз в русском доме. Контраст между тем, как русские вели себя в общественном месте и дома, был разительным: как из горячей бани прыгнуть в снег.

На стенах спальни висели плакаты, по большей части «Битлз» и Джон Леннон, и несколько старых потускневших икон. Тут же какие-то ожерелья, какие-то украшения из бисера – как на монохромной фотографии из 70-х. Есть прекрасная фотография – Сева у себя на кровати под целым иконостасом картин и фотографий, закутанный в узорчатое одеяло, с банданой на волосах.

Внешне Сева выглядел как нечто среднее между Джорджем Харрисоном и Иисусом Христом: длинные темные волосы, усы, борода. Держался тихо и без какой бы то ни было позы. Говорил прямо и просто, слушал внимательно, с неизменной доброй улыбкой. Наблюдая за ним и Борисом в тот первый день, я сразу обратила внимание, насколько они разные. Если для Севы была характерна утонченная серьезность, то для Бориса – расслабленность и спонтанность. Он был настолько красив, что от него было просто трудно оторвать взгляд. Я не могла отделаться от ощущения, что вижу перед собой Дэвида Боуи: четко очерченный подбородок, обрамляющие лицо светлые волосы, ярко-голубые глаза. Однако исходивший от него исключительный свет затмевал даже его идеальную внешность: хотя он сидел тут же рядом со мной, ощущение было такое, будто он возвышается у нас над головами.

К моему удивлению, английский Бориса оказался ничуть не хуже, чем у Севы. Во время разговора Борис достал из кармана листок белой бумаги и маленький коробок для фотопленки. Из коробка он высыпал на бумагу сухой порошок, свернул сигарету, лизнул, зажег и закурил. Я была уверена, что это марихуана, но на мой вопрос он ответил, что это табак из папиросы. Дым был прозрачный и сладковатый на вкус, лицо его в дыму обретало ангельский и совершенно неестественный вид.

– Откуда вы так хорошо знаете английский? – спросила Джуди.

– У нас были самые лучшие учителя: Элвис, Дилан, Леннон и Маккартни, – с хитрой улыбкой ответил Борис. – Когда слушаешь их песни каждый день, то тебе хочется узнать, о чем они поют. Берешь словарь и находишь там слова. Не так уж это и трудно.

– А музыку вы как находите? – спросила Джуди.

– Сначала это было радио из Лондона. Но на черном рынке можно найти все что угодно, – ответил Сева.

– Мы не просто слушаем, мы ведь и исполняем песни тоже. Любой человек, играющий музыку, так или иначе, знает английский. Когда я полюбил «Битлз», я стал читать стихи американских поэтов – Джека Керуака, Аллена Гинзберга.

Я слушала с широко открытыми глазами и кивала головой, будто я тоже люблю и знаю эту поэзию, хотя на самом деле у меня было довольно смутное представление о страстных, одухотворенных личностях, стоявших за этими именами. Мои воспоминания об университете были скорее связаны с семестром, когда мы учились прямо на борту круизного судна, путешествуя по миру и погружаясь в воды Средиземного моря, чем с погружением в романы Керуака «В дороге» и «Бродяги Дхармы». Эти парни знали о моей культуре куда больше, чем я.

– Иногда кому-то из друзей удается достать американский фильм, и мы собираемся вместе, чтобы его посмотреть, – продолжал Борис.

– Джоанна, расскажи нам о своей музыке, – попросил Сева. – Мы бы хотели ее послушать.

Я включила на своем плеере Beverly Hills Brat и Boys They're My Toys. Борис слушал в наушниках, откинувшись на потертую спинку дивана, закинув ногу за ногу и закрыв глаза.

– Здорово! – наконец сказал он. – Но что такое brat?

Я объяснила, что так называют детей богатых родителей, среди которых я росла в Лос-Анджелесе, – пижонов с задранными носами, гоняющих по городу на своих роскошных автомобилях.

– Ха! У нас такой проблемы нет, – сказал Сева. Он взял у Бориса наушники и через несколько минут тоже закивал головой: «Мне нравится».

– А своя музыка у вас здесь есть? – спросила я, довольная их одобрением.

– Есть, но только на кассетах. Пластинки, как у тебя, у нас нет, – сказал Борис. – В настоящую студию нам не попасть. У одного нашего приятеля есть полупрофессиональный магнитофон, и иногда по выходным мы собираемся у него для записи. Затем переписываем с пленки на пленку, и так наша музыка распространяется по всей стране. Иногда мы даже делаем настоящую обложку, как у вас в Америке.

– А почему вам не записаться в настоящей студии? – спросила я.

– Потому что мы не «официальная» группа, – ответил Сева.

– Некоторые группы подписали официальные контракты, – пояснил Борис. – Они могут выступать на публике и получать за это деньги. У них есть доступ к студии, к настоящим высококачественным инструментам, и они могут выпускать пластинки на «Мелодии», единственной фирме грамзаписи в России.

– А вам почему не сделать так же?

Борис замолчал и придвинулся ко мне поближе, как будто хотел объяснить что-то неразумному ребенку, и в то же время будто он готов был поделиться со мной большой тайной – как если бы мы знали друг друга всю жизнь.

– Потому что официальные группы должны представлять свои тексты цензуре. И тексты из-за этого получаются никакие. У нас в стране каждый по закону обязан работать, и для этих музыкантов их группа – такая же работа, как и любая другая. Я одно время работал ночным сторожем – прекрасная работа. Работаешь сутки, потом трое отдыхаешь. Есть время для музыки. Теперь я даю частные уроки и работаю когда хочу. Да, группа наша и музыка наша у нас в стране вне закона, но мне это дает больше свободы. И не так уж это плохо.

Все время, пока он говорил, на губах у него играла едва заметная улыбка, а глаза и вовсе смеялись, как будто все, о чем он рассказывал, его просто забавляло.

Я надела на голову наушники, Борис вставил в плеер кассету и включил звук. С первых же аккордов меня захватила чарующая духовность музыки, а голос Бориса, когда он запел, звучал отстраненно, но в то же время завораживающе. В музыке были драйв и энергия, как в вое волка или громе водопада, и, хотя я не понимала ни слова, я почувствовала просветление и невероятный подъем. Песня несла в себе ощущение иной реальности: надежды и отчаяния, грусти и радости, тьмы и экстаза. Она была чистая. Это был Борис.

Я была потрясена. Потрясена и охвачена почти тошнотворной смесью стыда и паники. Вот она я, приехала в своей идиотской самонадеянности, что эти задавленные русские рок-музыканты будут млеть передо мной, рок-звездой из

«Студии 54». Какой же я была душой! Я вдруг поняла, что никакой я не художник, а просто глупая девчонка с ни на чем не основанными амбициями, сочинившая пару никчемных песенок о себе и своих одноклассниках. У Бориса в одной песне было больше таланта, чем во всех моих потугах. Как будто внезапная молния осветила для меня весь мир музыки, и я, наконец, ощутила, какая энергия таится в этой песне.

Когда мы стали собираться, Борис придвинулся ко мне и произнес: «Завтра мы играем подпольный концерт. Сумеешь выбраться? Было бы здорово, если бы ты пришла. Это не наша группа, а безумный экспериментальный состав, во главе с Сергеем Курёхиным[11 - Сергей Курёхин (1954–1996) – музыкант, композитор, режиссер, актер, политический деятель, создатель и лидер знаменитого оркестра «Популярная Механика», автор легендарной телевизионной провокации «Ленин-гриб», одна из самых ярких фигур российской культуры 80–90-х годов, в первой половине 80-х годов активно сотрудничал с «Аквариумом».] или "Капитаном", как мы его называем». В глазах у него опять появился игривый блеск.

– Что там будет, сказать совершенно невозможно, – с воодушевлением добавил Сева.

Конечно же, я хотела на этот концерт. Я чувствовала, что ничто другое не будет иметь смысла, пока я не смогу насытиться этой музыкой и побольше пообщаться с этими ребятами, жизнь которых проходит на совершенно другом, более глубинном, эзотерическом уровне.

На следующий день мы с Джуди опять сказали нашему гиду, что я больна и что Джуди придется остаться со мной. В восемь вечера у отеля нас встретила подруга Севы и Бориса. Увидев нас, она кивнула, что я поняла как указание следовать за нею. Мы старались вести себя как можно более незаметно, ни слова не говорили по-английски и держались максимально отстраненно. Краем глаза я поймала взгляд Джуди, и мы обменялись быстрыми улыбками.

Девушка привела нас к заброшенному старому дому с трещинами в стенах, покосившейся крышей и затемненными окнами. Мы вошли в комнату: вдоль кирпичной стены тянулись ржавые трубы, а окна были занавешены огромной черной тканью. В Лос-Анджелесе на двери такого здания красовалась бы огромная надпись: «Подлежит сносу»[12 - Концерт проходил в квартире подлежащего капремонту здания на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская).

Квартира была предоставлена для собраний объединения неофициальных литераторов «Клуб-81», с которым тесно сотрудничал Сергей Курёхин.].

Главной отличительной чертой комнаты был ее огромный размер. На полу были расставлены штук сорок разномастных стульев, на всех сидели люди. Борис, обнимая корпус виолончели, пытался играть на ней, неуклюже, как вилку, сжимая в другой руке смычок. Еще несколько человек из всех сил колотили барабанными палочками по чему попало, притоптывая в такт ногами. Один парень играл на неподключенной бас-гитаре, а Сергей пытался дирижировать, не выпуская из рук и изо рта саксофон. На переднем плане стояло странное устройство в виде стола с подвешенными к нему гирями и утюгами. Звучало оно, как заправский синтезатор.

Сергей Курёхин, в отличие от спокойных и сдержанных Севы и Бориса, был подвижен, как ребенок, полон света и в то же время озорного лукавства. Его безупречное лицо выглядело очень молодо, но было очевидно, что он мастерски контролирует все свое безумие. Звуки показались мне настолько эклектичными, что на минуту я засомневалась, можно ли их назвать музыкой. Однако со временем весь этот беспорядочный хаос превратился в нечто осязаемое и зажигающее, и я почувствовала, как это нечто заполняет мое естество. Это отчаянное экспериментаторство было самой чистой формой творчества и бытия, которую мне доводилось видеть в жизни.

Ленинград 80-х годов показался мне похожим на то, что я слышала о 60-х в Америке, времени, которое спустя несколько лет все вспоминали с блеском в глазах и непреходящим чувством эйфории. Это был один из лучших вечеров в моей жизни, и, воспроизводя сейчас его в памяти, я понимаю, что стала свидетелем чего-то в высшей степени ирреального. Мои новые друзья были невероятными музыкантами, но в первую очередь они были художниками, способными через живопись, танец, поэзию и другие искусства выражать самые напряженные и интимные переживания. Они нашли способ заполнить долгие пустые дни своего коммунистического быта своеобразным непрямым протестом, тесно связавшим всех участников этого процесса чувством солидарности. Мы с Джуди посмотрели друг на друга и поняли, что нам надо зафиксировать этот момент и это восприятие мира. В течение следующих нескольких лет мы усиленно фотографировали, снимали на видео концерты и акции наших друзей, брали у них интервью. Если Москва была медвежьим логовом, то задвинутая куда-то в мрачные улицы и дома андеграундная сцена Ленинграда – эпицентром бури, захватившей нас настолько мощным электричеством и энергией, что

избежать ее не было никакой возможности.

Глава 3

Первое расставание

После концерта Сева и Борис повели меня к своему старому приятелю Коле Васину, известному как «Человек-Битлз». В его комнате в коммунальной квартире[13 - Созданный еще в 60-е годы Колей Васиным (1945–2018) у себя дома музей «Битлз» сегодня под названием «Храм любви, мира и музыки имени Джона Леннона» располагается во дворе Арт-центра «Пушкинская-10» по адресу Лиговский проспект, 53.] хранилось, наверное, больше тысячи самых разных связанных с «Битлз» предметов: огромные плакаты, оригинальные пластинки в ярких конвертах, купить которые даже спустя двадцать лет после их выхода на Западе можно было все еще только на черном рынке, значки и магниты с изображением четырех всемирно известных лиц – открытых, живых, готовых запеть на том самом языке, говорить на котором нам с Джуди здесь было, в общем-то, запрещено. Ничего подобного я никогда в жизни не видела, как никогда не встречала человека, столь беззаветно преданного своей страсти. С горящими глазами Коля рассказал нам, что каждый год отправляет Джону Леннону поздравительную телеграмму ко дню рождения и однажды даже получил в ответ пластинку с автографами Джона и Йоко.

Внешний вид Коли не имел ничего общего с тем обликом, который нарисовало мне воображение, когда мне рассказали о «Человеке-Битлз». Огромный здоровяк с темной всклокоченной бородой и усами, за которыми пряталась обворожительная улыбка. Весь его запас английских слов и фраз ограничивался тем, что он почерпнул из текстов песен «Битлз», и именно так строился наш разговор, пока он подавал на стол горячую еду и до краев наполнял стаканы.

– Спасибо за ужин, Коля! – говорила я.

– Джонни! – восклицал он, произнося мое имя так, как его воспринимали многие русские. – All you need is love!

- Именно так, Коля! Мне ужасно понравился твой ужин.

- Джонни! I am the walrus! - отвечал он.

- Да, Коля, ты морж!

Он протянул мне сделанный им собственноручно огромный красочный альбом, посвященный жизни Джона Леннона, и жестом изобразил в воздухе нечто вроде подписи. Перелистывая альбом, я поняла, что на незаполненных чистых страницах все гости своим почерком пишут имя «Джон Леннон». Он радостно, как ребенок, улыбнулся, увидев мою подпись.

Сергей Курёхин тоже был в тот вечер у Васина. В те первые дни моего пребывания в Ленинграде Сергей неизменно проводил время со мной и с Борисом. Помогало нам в общении то, что, как и я, он не курил и не употреблял никакие наркотики - редкость в этом кругу. Он не был бы русским, если бы не пил, - но этим его пороки ограничивались. Меня привлекали в первую очередь его неистощимая энергия и заразительный энтузиазм.

«Джо!» - начинал он, строя смешную рожицу, а затем что-то выкрикивал или бурчал, стараясь выразить свою мысль. Даже с учетом языкового барьера он был чуть ли не самый яркий человек, которого я встречала в жизни.

Сергей был гений. Он это знал, и все это знали. Музыкальные идеи роились у него в голове, как пчелы в улье. Ногой он постоянно отбивал ритм, а пальцы у него беспрестанно двигались, как бы совершая неостановимый бег по воображаемой клавиатуре. Когда он спал, я не знаю. Ни в какие привычные рамки и определения он не вписывался: официальные рок-музыканты, группы из андеграунда, классические исполнители, джазмены, музыкальные критики, да и вся интеллигенция любили и уважали Сергея Курёхина. Тот вечер, когда мы познакомились, остается одним из главных дней моей жизни, заполненным умопомрачительными выходками и незабываемыми впечатлениями. Когда мы с Джуди готовились уходить, «Человек-Битлз» одарил меня сияющей улыбкой: «Strawberry fields forever, Джонни!»

На следующий день нам нужно было улетать, но я не могла сесть в самолет, еще раз не повидавшись с Борисом. Мы опять договорились встретиться на улице, смешавшись с толпой трудового люда, и он повел меня к себе домой. Жил он в

самом центре города, на последнем этаже старого здания, и подниматься на этот последний этаж нужно было по длинной, казавшейся нескончаемой череде лестничных пролетов. Он взлетал по лестнице, как ангел, пока я отчаянно пыталась за ним угнаться, запыхавшись и все время стряхивая нависавшую на глаза платиновую прядь волос. Лестничная стена на всем бесконечном протяжении была разукрашена тысячами рисунков, надписей, черных, желтых и красных портретов и обращенных к гуру рок-н-ролла стихов. На некоторых площадках стояли с гитарами и пели песни поклонники. Как только дверь в квартиру распахнулась, из кухни по своим комнатам врассыпную ринулась кучка людей. Остался только один человек, чье лицо мне было уже знакомо: Сева.

- Это коммунальная квартира, - пояснил Борис. - Отдельную получить очень трудно, особенно в центре, поэтому многие живут вот так, все вместе.

- А почему они все разбежались?

- Общаться с иностранцами нежелательно, но если они у себя в комнате, то они тебя как бы и не видели. У них таким образом как бы появляется алиби. Но можно не сомневаться, что, как только ты уйдешь, сюда наведается КГБ.

Я старалась не думать о том, что мне сказал Борис, пока он разливал чай и ставил на стол печенье. Он опять закурил папиросу. Обычно я не выношу табачный дым, но тут меня это почему-то совершенно не беспокоило. Я почувствовала вдруг, что глубоко вдыхаю, стараясь запечатлеть терпкий запах у себя в мозгу, - точно так же, как и голос Бориса.

- Пару месяцев назад, - начал тем временем он, - здесь был банкир-американец, который говорил, что работает с Дэвидом Боуи. Он увез с собой кое-какие мои записи, и вроде Боуи их послушал, и они даже ему понравились. Он спросил меня, может ли Боуи купить и передать мне что-нибудь необходимое. Могла бы ты с ним связаться?

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Отец Джоанны Сидни Филдс (1914–2001) – джазовый музыкант, менеджер и продюсер. Документальный фильм «Правда о коммунизме» (1962) – его единственный опыт работы в кинематографе. (Здесь и далее примечания переводчика).

2

Фредерик Николас (р. 1920), кроме успешной карьеры в юриспруденции и инвестициях, широко известен и как коллекционер, знаток искусства и меценат. При его активном участии создавались Концертный зал им. Уолта Диснея и Музей современного искусства в Лос-Анджелесе. В течение пяти лет он был Председателем Совета попечителей музея.

3

EP (Extended Play) – виниловая пластинка на четыре песни, в отличие от SP (Single Play) – сингла с двумя песнями и LP (Long Play) – долгоиграющего альбома.

4

Милтон Берл (настоящее имя Мендель Берлингер) (1908–2002) – американский актер-комик, звезда американского телевидения 50-х годов, снимался в кино, в том числе и в таких знаменитых картинах, как «Займемся любовью» с Ивом Монтаном и Мэрилин Монро, «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир», и в фильме Вуди Аллена «Бродвей Дэнни Роуз».

5

Tower Records – одна из крупнейших в мире розничных сетей музыкальных магазинов. Основана в 1960 году в Калифорнии. Просуществовала до 2006 года, когда было объявлено о банкротстве и ликвидации компании.

6

Studio 54 – культовый ночной клуб и всемирно известная дискотека в Нью-Йорке, открывшийся в апреле 1977 г. на пересечении Бродвея и 54-й улицы (отсюда название). На рубеже 70–80-х годов – главное место ночной, светской и концертной жизни Нью-Йорка.

7

На обложке альбома Rolling Stones Sticky Fingers размещена фотография облаченной в джинсы мужской промежности с явно выделяющимся контуром пениса. На оригинальном издании обложка была украшена настоящим работающим zipperом. Дизайн приписывают Энди Уорхолу, но ему на самом деле принадлежит лишь общая идея. Автор фотографии – Билли Нейм, а дизайн разрабатывал Крэг Браун.

8

Знаменитый гастрономический магазин деликатесов и ресторан на фешенебельной Родео-драйв в Беверли Хиллз.

9

На конкурсах красоты титул «Мисс Дружелюбие» (Miss Congeniality) присваивается участнице, которую члены жюри сочтут самой приятной и дружелюбной. Одноименный фильм (в российском прокате «Мисс Конгениальность») с Сандрой Буллок в главной роли вышел в свет только в 2000 году, через много лет после приезда Джоанны в СССР.

10

Виолончелист «Аквариума» Сева (Всеволод) Гаккель жил и продолжает жить в так называемом «Доме полярников» на улице Восстания. Жилой дом Главсевморпути (официальное название) был построен в 1935 году в стиле сталинского неоклассицизма для участников полярных экспедиций и членов их семей. Отец Севы Яков Гаккель (1901–1965) принимал участие в многочисленных полярных экспедициях, в том числе на ледоколах «Сибиряков» (1932) и «Челюскин» (1934).

11

Сергей Курёхин (1954–1996) – музыкант, композитор, режиссер, актер, политический деятель, создатель и лидер знаменитого оркестра «Популярная Механика», автор легендарной телевизионной провокации «Ленин-гриб», одна из самых ярких фигур российской культуры 80–90-х годов, в первой половине 80-х годов активно сотрудничал с «Аквариумом».

12

Концерт проходил в квартире подлежащего капремонту здания на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская). Квартира была предоставлена для собраний объединения неофициальных литераторов «Клуб-81», с которым тесно сотрудничал Сергей Курёхин.

13

Созданный еще в 60-е годы Колей Васиным (1945–2018) у себя дома музей «Битлз» сегодня под названием «Храм любви, мира и музыки имени Джона Леннона» располагается во дворе Арт-центра «Пушкинская-10» по адресу Лиговский проспект, 53.

Купить: https://tellnovel.com/stingrey_medison/stingrey-v-strane-chudes

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)